

Параллельный плексиглас

Плеск и глас, паралакс, блеск их глаз, и был мне глас... да я думаю, каждому, кого считали, по крайней мере, его знакомые, писателем, не раз приходилось видеть вспышку осенения в глазах собеседника и слышать:

"Вот о чём тебе надо написать!"

Если я запишу то, что промелькнуло сейчас в голове, в тексте, наверно, будет много автоцитат, может быть, поэтому память – чтобы хоть на первое время увести с заиклившейся граммофонной пластинки, хотя бы и по циклоиде... подбросила другой пример, блестящий... но я не могу вспомнить название рассказа Раймонда Карвера, в котором человек то и дело рассказывает писателю что-то, о чём, как он уверен, писателю нужно написать, писатель с трудом это выдерживает, как и его коллега Ю. в моей "Параллельной акции", кстати, которому знакомый доцент со словами "Я принёс тебе сюжет для нового рассказа!" вручает бумажный кулёчек с вишнями и начинает во всех подробностях рассказывать... здесь точно неважно, что именно, но, в общем, то, о чём Ю. нужно написать. Ю. тем временем пытается попасть ему в глаз косточками от вишен, но всё время промахивается. А в моём рассказе "Мама Роза" некто Влад говорит Ich-Erzähler'у (моему рассказчику): "Тебе как человеку пишущему обязательно надо её увидеть". Рассказ был написан, вошёл в мою первую книгу, то есть, я, наверно, был более послушный в этом смысле, чем некоторые другие писатели, "прислушивался к советам".

("я-он-счётчик слоёв" и в то же время: "я-рассказчик историй")

Вот, а потом что-то произошло, и эти советы трансформировались, но я по-прежнему к нему прислушиваюсь...

Что произошло? Да ничего особенного, просто... "Мы писали, мы писали, наши пальчики устали...", – декламировали мы хором в первом классе, вставая из-за парт... и делали телодвижения: сжимали и разжимали кулачки... ручки при этом подняты вверх... минуту или две и снова пишем очередную букву... перьевая ручка... тетрадка в косую линейку... Пока в сорок четвёртом классе, так и не научившись правописанию, я, рухнув с дуба... не начал дорисовывать то, что понаписывал за все эти годы, а потом рисовать уже и не только "автоиллюстрации".

Это "не только", это расширение "зоны изо", началось НЕ с того, что мне стали давать несколько видоизменённые советы...

Как рисовать, вообще никто пока не говорил, а вот – что... Такие советы были, да, но до сих пор не так много, и здесь я вообще-то хотел написать только про один такой воплощённый... Rat-Tipp (нем.) – advice, ну да, связанный с Борисом Михайловым... или даже сразу с двумя Борисами:

с реальным фотографом то есть, и с едва ли не главным, не считая моего "их-эрцелера" (хотя это ещё вопрос, как считать... есть и такая ин-версия, придуманная К. Крахтом, который издавал этот журнал:

(из "сведений об авторах" в журнале DER FREUND: "... идея публикуемого здесь впервые на немецком "Ангельского концерта" пришла автору в голову, когда во время игры в карты Борис Михайлов спросил у него, не хочет ли он стать героем его нового романа "Параллельная акция"),

Но это всё шутки, это взгляд из Катманду... На самом же деле... первая автоцитата из "Параллельной акции" объяснит, как реальный Б. Михайлов туда попал – всё очень просто:

"Если бы я впервые увидел "Я – это не я" в Харькове, где на презентации фотограф лежал на земле перед ступеньками выставочного зала, и все, кто шёл на выставку, должны были через него переступить... Тогда, я думаю, у меня всё это сложилось бы в некоторый Gestalt, jawohl. Но там, в Нью-Йорке, я видел на огромных чёрно-белых снимках просто дурачащегося перед собственной камерой немолодого человека, похожего на Сальватора Дали с подрезанными усами... И вспоминалась при этом – ну да, всегда же что-то вспоминается, и в тот раз это была известная притча Арама Хачатуряна – о том, как Дали скакал перед ним голый на швабре, размахивая саблей, под соответствующую музыку. Ну, только тут была не швабра, а клизма, в руках фото- графа лебедино выгнувшая шейку, а фотограф, надо полагать, танцевал что-то из балета Чайковского... На другой фотографии он напрягал бицепс и трицепс и одновременно давил искусственным членом себе на глаз, а на третьей... Стоп, стоп. Один раз я уже об этом писал, потом давал почитать фотографу, и это вызвало у

него, мягко говоря, не очень положительные эмоции. Он позвонил мне и попросил, чтобы я нигде это не публиковал. Я заерепенился, мне в общем-то не жалко было всё это стереть – тем более на тот момент там было две страницы, но как бы из принципа... Тогда фотограф сказал: "Я же не снимал тебя в Коктебеле, потому что ты попросил тебя не снимать... Вот и ты не пиши обо мне, потому что я прошу..." – "Как это не снимал, – удивился я, – а что же у меня теперь висит на стенах, как не твои фотографии?" – "Я снимал... Но не так снимал, как мог бы..." На это я уже не стал отвечать симметрично, подумав, что я пишу всегда как могу, я просто сказал, что всё, проехали, я не буду писать о фотографе (меня об этом попросил днепропетровский журнал "НАШ"). И всё это так тогда и осталось черновиком, и до сих пор я к этому не возвращался, пока вдруг сейчас в каком-то... извинённом состоянии сознания... снова не попал в чью-то квартиру на Ист-сайде. Дело вот в чём: я недавно узнал, что в Пинакотеке висит серия работ фотографа под названием "Графоман в Крыму", и, признаюсь, грешным делом, подумал, что фотограф решил мне отомстить! Это не совсем паранойя, читатель, мы ведь за это время успели побывать с фотографом в Крыму, где он непрерывно что-то снимал, и я знал, что он из всего этого сделал какую-то новую серию, что она выставлялась в Лондоне не то в "Барбикане", не то в "Тэйте"... Несмотря на то, что в первый же день нашего совместного отпуска я действительно попросил фотографа меня не снимать (ну, так уж нас в школе учили: Ленин не любил фотографироваться, а мы себя под Ленина чистим...), через какое-то время он стал пощёлкивать, целясь объективом и в мою сторону... Когда я привык к его камере и перестал её замечать... Даже дикие животные в какой-то момент перестают замечать фотографов... Ну вот, это всё во-первых... А вот и во-вторых: я давно говорил фотографу, что пишу свой крымский роман (и я действительно его пишу, а то, что вы сейчас читаете, по отношению к крымскому является метароманом). Короче говоря, услышав название его выставки – "Графоман в Крыму", я наполнился самыми тяжёлыми предчувствиями. Я не решался поэтому заходить в Пинакотеку, опасаясь, что зрители узнают меня и будут тыкать пальцами... И тут фотограф сам явился в Мюнхен – собственной персоной. Оказывается, "Сименс" купил для Пинакотеки серию его работ, и под это дело фотографа уговорили прочесть доклад с показом диапозитивов для так называемых "друзей пинакотеки модерна" (так называют самих себя её спонсоры). И вот только когда фотограф приехал в Мюнхен и сказал мне, что серия датирована 1995 годом, я... вздохнул облегчённо. Я, может быть, ещё тот графоман, мой метачитатель, но это же не повод, согласись, чтобы вешать меня на стены всех музеев мира с этакой табличкой... А в 1995-м мы ещё не только не отдыхали вместе с фотографом в Крыму, но вообще не были с ним знакомы..."

В 2014-м году я встретился с Борисом в Берлине. В кубинском ресторане прямо напротив Тахелеса (когда-то, объясняя, как мне идти к этому Тахелесу, он нарисовал в моей тетрадке схему, которую я сохранил и теперь снова воспользовался:

(Кстати, "Tacheles sprechen" – это "говорить прямо, сразу по делу", из идиша перешло в немецкий.)

Там он и посоветовал мне нарисовать... Но прежде, чем перейти непосредственно к малюнку и, соответственно, совету, из которого он вырос, из-за чего я и начал писать этот текст (первый вариант названия у меня был такой: "Львиная доля человека без свойств это свойства без человека" – что бы это ни значило...), я вспомнил сейчас, что уже описал ту встречу в повести "Пока течёт Изар":

"Одним из лейтмотивов "Параллельной акции", раз уж я здесь о ней здесь вспомнил... А вы могли её и не читать, так вот: там один из лейтмотивов – фотографии Бориса Михайлова.

В том числе та дюжина, на которых запечатлён впис во время отдыха вместе с Михайловыми в Крыму, на многих снимках со своей давней теперь уже подругой.

Примерно год назад... но я могу точно сказать: это было в конце февраля 2014 года, т.е. примерно за неделю до аннексии Крыма, о чём я совсем в тот момент не думал, я не мог поверить, что такое может случиться, пока оно не произошло... так вот, ровно за неделю, просто так совпало, я вдруг собрался наконец и поехал в Берлин со всеми фотографиями, которые Борис Михайлов подарил мне в 2002 году.

Некоторые я вынул из рам, где они висят, в том числе коллаж, который он мне подарил на день рождения, вырезав из фотографии голову моей подруги, которую я... которому голову он, при этом, в свою очередь, отрезал, получалось, что держу в руках – за волосы.

Борис сам сделал паспарту к этому коллажу, мне оставалось только купить рамку.

Мы встретились в кубинском ресторане, который прямо напротив Тахелеса... или бывшего Тахелеса, здание осталось, а что там теперь, я не знаю.

Я говорил об этом ещё по телефону из Мюнхена, что привезу фотографии, которые он мне когда-то подарил, "на подпись", несколько раз говорил, но не ехал, один раз он просто сказал, что всё подпишет, другой раз – что надо будет посмотреть, он же не помнит, что он дарил, поэтому я не думал, конечно, что он вот так вот сразу всё подмахнёт, нет...

Но всё-таки, когда я раскрыл папку, и он стал перебирать снимки, и все отбрасывать, ну т. е. откладывать в сторону со словами: "Нет!.. нет!.. нет!.. нет!.. нет..." – и, когда он так же отложил коллаж, который мне подарил на ДР, я напомнил ему, что это... "Ну и что, – сказал Борис, – ну подарил и подарил, а подпись это уже... нечто другое".

Дойдя до фотографии, сделанной "горизонтом", где мы с Т. лежим в обнимку в Коктебеле на нудистском пляже, Борис задумался.

Я осторожно напомнил ему, что эта фотография (примерно 30 на 15 см) вообще-то вошла в его серию, которая выставлялась там-то и там-то...

"Нет, – сказал Борис, – она же вертикальная. А в серию вошли только горизонтальные. Но она к ним относится, да... Да, ты знаешь, вот эту я могу подписать... Точнее... я не подпишу её, но

я напишу там несколько слов, и этого достаточно – мой почерк".

"Так что, взять ручку?" – сказал я. "Да", – сказал Борис, я встал и подошёл к официантке, взял у неё ручку, вернулся за стол. Борис на мгновение задумался, а потом быстро что-то написал с другой стороны фотографии. Я, не глядя, сухо поблагодарил и положил её, как и остальные десять, в папочку, стараясь не подавать виду, что обижен, продолжил беседу.

Да, в тот момент я на него обиделся. Кроме того, я уверен был, что никогда не буду об этом писать... но вот теперь мне кажется, что не на что было обижаться, а значит... почему не писать тахелес?

Я понял это после того, как представил себе, что где-то выплыли бы мои черновики, ведь было же такое время, когда я писал на бумаге, ручкой, и были черновики, которые потом тысячу раз менялись, потом ещё столько же, перейдя в компьютер, – так и возникла первая моя книга... И вот, если бы они где-то всплыли и кто-то попросил их подписать... Я бы их уничтожил, а не подписывал, а если бы их не отдавали просто так, я готов был бы заплатить за их возвращение...

Я не голословен, сам я т. е. такого ещё не делал, просто не было возможности, зато Софи, эта супертатуированная официантка-писательница из моего романа "Контора Кука", который вышел, кстати говоря, незадолго до описываемой встречи с БМ... нанимает специального человека, снаряжает его в экспедицию в город Лондон... только для того, чтобы он там нашёл на чердаке у её бывшего друга ранний черновик и привёз ей для сожжения.

Вот, а фотографии для Бориса – что для Софи письма, ну да, такое же отношение к черновикам... примерив это, то есть почувствовав почти что на своей шкуре, хотя бы и в виде такого мысленного эксперимента... я понял, что у меня не было повода для обиды.

Спасибо, что не порвал весь footage -- как я бы точно свои черновики, выхватил бы и... В общем, я закрыл папочку с темниками світлин... или, чтобы попусту не играть словами... с черновиками, как оказалось, фотографий... положил в рюкзак и только на следующий день, когда, переночевав у сына и погуляв с ним по городу, я ехал в автобусе из Берлина в Мюнхен, мне вдруг стало интересно, что же там написано.

Я вынул фотографию и прочёл на обороте: "О Крымском, о..." – а дальше не мог прочесть, нрзб, чудилось что-то... "о проклятом"?

Да, и внизу стояла какая-то закорючка. В прямом смысле, похожая на рыболовный крючок...

Я набрал номер Михайловых и спросил: "Боря, а что там ты написал? Я не могу прочесть. Я смог разобрать только "О крымском...", а дальше не могу никак". "Не бери в голову, – сказал он. – Вообще не думай об этом. Я уже и сам забыл. Я написал только для того, чтобы видно было мой почерк, а что я написал, неважно". "Ну хорошо, – сказал я, – а что внизу стоит – это твоя подпись? Я же её не знаю".

И тут была пауза с полминуты.

После чего Борис сказал: "Это половина моей подписи".

Через неделю Крым стал их.

Кого "их", я думаю, ясно, если взглянуть на их сигнификант фамилии "Аксёнов".

Но чтобы это не показалось очередным каламбуром, я не буду называть текст "Их".

"Плохое название", - сказал знакомый русскоязычный писатель (кстати говоря, совсем не "титульной нации") о "Параллельной акции". Сам роман он в тот момент ещё не читал.

"Почему?" - поинтересовался я. "Потому что сразу два слова иностранного происхождения рядом".

Ладно, что-нибудь придумаю...

Не знаю, навсегда ли Крым их, но я теперь всегда буду вспоминать, глядя на эту фотографию (довольно подробно описанную в "Параллельной акции", кстати, в главе "Ангельский концерт" она вместе с заглавной фотографией "человека в шляпе", которая вынесена на обложку книги, "дала импульс" ассоциативному потоку, который и стал главой), что с другой стороны там стоит половина подписи, которая была туда поставлена за неделю до того, как... А, ну да – дома при нормальном свете я расшифровал второе слово однозначно: "о прошлом", – написал Борис.

"О крымском, о прошлом", стало быть.

Ну да, ну да..."

Вообще-то я ему поверил и так, что он там написал некоторую сигнатуру, если и не полную signature... а недавно я в этом убедился, впервые заметив полный вариант его монограммы на шмуцтитуле альбома "Crimean Snobbism", который он мне подарил году в 2006-м или 7-м, думаю, потому что это год выпуска альбома в Японии, и я помню, что альбом вышел незадолго до нашей тогдашней встречи в Берлине, а о "своей внутренней Японии" Борис рассказал мне в беседе, которую я тогда записал на диктофон, под названием "Я не порчу реальность!" её можно найти в сетевой "Арт-азбуке".

Автограф, включающий добрые слова и его длинную подпись... Ну да, подпись БМ оказалась длиннее не в два, а в три, как минимум, раза, чем закорючка на обратной стороне кокетельской фотографии...

Где-то я недавно читал в немецких СМИ о новом открытии: успех художника определяется длиной его подписи, но мне трудно об этом судить, моя коллекция ещё не так велика, чтобы делать выводы...

Чтобы поскорее завершить эту затянувшуюся автографическую юморину, потому что встречу-

то я здесь вспомнил из-за другой темы, к которой мы вскоре там же, т. е. в трактире напротив Тахелеса, перешли, помещу здесь фотографию...

Я думаю, что это как раз тот момент, когда Борис наотрез отказался подписывать свой коллаж с одноногим пляжником и отрезанной головой.

А может быть, это когда мы уже заговорили о другом, и он этим жестом сказал: "Нет уж, уволь, Луцкус никак не мог быть моим учителем".

Я процитировал ему там фрагмент из "Параллельной акции", по памяти и не дословно, конечно, так как я писал это, в основном, с его слов:

"– Ну ладно, это твоё дело... Знаешь, слова Бэкона напомнили мне об одном литовце, которого известный тебе фотограф считает своим учителем. Он делал снимки с такой интересной экспрессией, я бы сказал, очень давно, ещё в шестидесятые, в СССР... Я видел его единственный альбом, когда был в гостях у Михайловых. Человек был эксцентричный, мягко говоря. Например, какое-то время держал у себя в доме живого льва... А потом к нему как-то зашёл его приятель, и Луцкус – так звали фотографа – стал показывать ему свои последние работы. Приятель поглядел на них, поглядел, а потом возьми да и скажи: "Прости, старик, но, честно говоря, эти мне что-то не очень нравятся". Реакция Луцкуса на эти слова была, скажем так, не совсем адекватной: он схватил со стола хлебoreзку и загнал её в своего приятеля по самую рукоятку. То ли в горло, то ли в сердце, я точно не помню. Как говорится, в состоянии аффекта – сразу же после этого он как бы очнулся, вызвал скорую... которая довольно быстро приехала, и врач зафиксировал, или – засвидетельствовал, – смерть. После чего Луцкус сам выбросился из окна, и тоже насмерть. – Неужели всё это правда? – сказал Манфред. – Я думаю, да, – кивнул я и, почувствовав, что эта странная история заводит мысль Манфреда в какой-то тупик, вспомнил и то, что добавила Вита Михайлова после того, как Борис рассказал мне о Луцкусе: "Мы всегда рассказываем эту историю, когда к нам заходят новые люди, – прежде чем показать им свои работы". Манфред рассмеялся, но потом вдруг снова стал серьёзным, снял очки, чтобы их протереть, и... – А куда делся лев? – спросил он. – Какой лев? – спросил я. – Ну лев. Ты сказал, что он держал в доме льва. – А, ну не знаю, он, вроде, недолго его держал... Это была другая семья в Союзе, в другой республике, которая долго держала льва дома, их звали, кажется, Берберовы, пока лев кого-то там не съел... А почему ты вдруг вспомнил вообще про этого льва? – Да так, просто всплыли слова из одного апокрифа... "Счастлив будет человек, который съел льва, но горе тому льву, который съест человека". "

"Луцкус никогда не был моим учителем!" – воскликнул где-то посреди этого текста Борис.

"Но ты мне так говорил", – сказал я.

"Ты меня неправильно понял". И он стал подробно объяснять, почему...

Но его доказательство я не могу воспроизвести по памяти, я не записывал... я помню только, что там были слова о слоях советского... т. е. о том, что они те же слои показывали по-разному... у Луцкуса, как я смутно понял, люди на снимках никогда не употребляют мат и

вообще молчат, красиво, но молчат, тогда как у Михайлова на фотографиях те, кто молчал, заговорили.

Потом я продолжил цитировать приведенный фрагмент и в момент, когда я воспроизвёл строчку "Евангелия от Фомы", в глазах БМ я увидел сполох, и он воскликнул: "А ты вот это нарисуй!"

Я недоуменно посмотрел на него и сказал: "Боря, как это можно нарисовать?"

"А вот ты это нарисуй! А вот нарисуй! Я тебе говорю! Подумай – как! Вот что надо нарисовать!.." – восклицал Борис, на что я отвечал жестами – разводя руками, пожимал плечами, вжимая голову в плечи, и повторяя: "Ну что ты такое говоришь" и "Да нет, это невозможно".

Недавно, кстати, написался текст с таким названием – "Невозможность рисования" – как бы глава повести "И другие виды растительности", появляющейся постепенно на сайте post(non)fiction. Там вышли уже главы "Волосы" и "Шерсть", но глава про невозможность рисования ещё не... А если бы уже и вышла к этому моменту, ссылка на неё не нужна была бы, потому что там речь о чём-то другом... о странном поведении объектов, попадающих в фокус, вплоть до растворения... вообще – о том, что находится за пределами белого листа в натуре, которая больше не испытывает *horror vacui*, а испытывает... Замнём, зачем это здесь пересказывать... Здесь речь как раз о том, что в его пределах... листа то есть, о проведении линий и поведении кривых.

Через два года после того, как БМ дал мне свой совет, мой знакомый график Макс Тео Кель вручил мне пакет, в котором было пять пластин из оргстекла и цыганская игла в почти неотёсанной деревяшке. Он сказал, что это должно мне понравиться и вообще, с его точки зрения, подходит моему "стилю". Я сказал, какой там стиль, и с сомнением посмотрел на новое стило – самопальное шило... как-то всё это выглядело... Я сказал, что я вообще-то вполне доволен своими авторучками, на что Макс сказал: "Попробуй, это почти так же, как ручкой, но получается... брутальнее, что ли... Естественнее! Ну, ты увидишь... Попробуй!" Я пожал плечами и взял у него пакет, дома надолго завис над пластинкой с шилом, потом отложил его... Мне совсем ничего не шло в голову, совсем... разве что какие-то слова, которые невидимки тут и там царапают на стенах лифтов... пока не вспомнилось вдруг – "А ты это нарисуй!" – затем что-то ещё мелькнуло из детства: огни, арена... и я нацарапал это на первой пластинке:

Вот и всё, собственно, "из чего, из чего же..." Макс с тех пор переехал в Рим и последний имейл от него был из Ватикана – о чернокожих епископах, переступающих, не глядя, через чёрных беженцев, лежащих под его же – Ватикана – стенами... и вот, где-то перед этим Макс написал мне о том, что прозрачные пластинки, на которых я нацарапал свои первые radierungen (а он сделал только первые, пробные печати, потом у него забрали на время пресс, да так и не отдали)... исчезли, да... растаяли-испарились, как сухой лёд... т. е. он их не нашёл, даже когда полностью освободил ателье, сдавая его в связи с отъездом.

Ну, я попробовал, по крайней мере... И что-то всё-таки осталось от этого этчинга на льду... в сухом остатке: пробные оттиски, фотографии... "Д-а-а, что-то там царапаю...", говорил я до потопа, как и все, кто писал тогда, а теперь, что ж, от слов к делу... хотя какие там дела... сажа бела, как пластинки, исчезнувшие вслед за чёрными, и весь этот винил-не винил, ну да, всё это зависло в воздухе, как тонаrm без иглы, когда выставлен такой противовес, что он болтается в невесомости... вот я ещё вспомнил, что снял тени на весу, прежде чем отдать пластинки Максy:

Это вторая пластинка, другой сюжет, здесь лучше видно:

Второй раз совет "А ты это нарисуй!" прозвучал из уст переводчицы "Анны Карениной", когда я процитировал ей в кафе "Городского музея" слова Т. Толстой о том, что Шекспир и Данте тыкались в темноте, пока её (Т. Т.) дедушка Михаил Лозинский не брал их за рученьки и не выводил из потёмков на свет.

Я смеялся в ответ и говорил, что это трудно нарисовать, что я не возьмусь... но через некоторое время так и начеркал, т. е. буквально:

Третий совет был совсем неожиданный, потому что первые два возникли всё-таки походя, между прочим, в ходе беседы... а третий сам был поводом для звонка и прозвучал после того, как я поднял трубку. Фотограф Х. сказал: "Ты же теперь рисуешь, да? Так вот, я хочу тебе рассказать что-то, чтобы ты это нарисовал. Я бы и сам нарисовал, но не могу, потому что я фотограф. А сфотографировать это невозможно... Да, рисовать я пробовал... очень давно, и понял, что у меня это не складывается, просто даже метрически... ну, нет нужного глазомера, или чего-то ещё, я не знаю... Так вот, я хочу дать тебе сюжет для рисунка: мы в раннем детстве играли в такую игру "Пастушки и овечки" с девочками: они бегали вокруг меня, а я их тихонько подгонял тоненьким прутиком... Нет-нет, ты послушай..."

Пока я набросал Х. не в нежном возрасте с "овечками", а в зрелом... Впрочем, он давал мне сюжет не для того, чтобы я изобразил там вот именно его в детстве, а чтобы, так сказать, апроприировал... может, ещё и нарисую, тем более, что других советов я пока не получал, так что это уже точно весь рассказ о подсказках и раскрасках, я закругляюсь, да, разве что ещё два слова... аргорос возможность фотографии: недавно увидел в фейсбуке работу Витаса Луцкуса, на которой был Райнер Вернер Фассбиндер. В автобусе, наверно, киношном, рабочем то есть... сапожки с косыми каблучками в сеточке над ним, почти в небо

закинутые... стеклянный верх, как в павильоне, если это автобус... зеркало заднего вида прямо в салоне...и что-то ещё там кажется не на месте... и кто-то написал в комментарии: "Как это может быть, ведь Луцкус никогда не выезжал за границу?"

Я позвонил его другу Михайлову (не сразу, а через недели две, точнее, просто вспомнил в разговоре), и он сказал, что фотографию такую он никогда не видел. Я не мог её уже найти в фейсбуке, мелькнула в ленте "новостей" и пропала... Заочно БМ предположил, что Луцкус снял это с экрана кинотеатра, или Фассбиндер мог приезжать в Литву, как Сартр, например, которого фотографировал другой лит-фотограф – Суткас (о чём я, кстати или не кстати... но писал когда-то – когда здесь была выставка Суткаса в Литературном доме – текст под названием "Гастроли французских философов"). Есть ещё, конечно, гипотеза двойника... Но просто не верится, что может быть такое сходство... и эта кожанка, и эти сапожки... Так или иначе, человек на фотографии Луцкуса молчит, как и говорил мне Михайлов, и я не знаю, кто он. Приезжал ли Фассбиндер в Литву? Или, вообще, в СССР? Кажется, нет, во всяком случае, я ничего про это не нашёл в сети, а фотографию эту я потом отыскал. С подписью, которая у меня полностью не открывается: "Милиция Тбилиси распивала с ним вино. Воры из Одессы приезжали посмотреть на этого человека. Из глубинки Башкортостана ему присылали мёд. Католикос всех армян..."